

ИНДИВИДУАЛЬНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ВТОРИЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Бредихин С.Н., Аветисов Р.М.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: bredichinsergey@yandex.ru, avetisiv_rolan@mail.ru

Целью данного исследования является анализ феномена языковой игры и комплексной текстовой игры в процессе порождения смысла в текстах исходного языка и наиболее эффективных трансформаций при трансляции многомерного смысла в текст переводящего языка. Центральной проблемой можно считать раскрытие механизмов создания смысла и его воссоздания в процессе трансляции в инокультурную среду. Безусловными константами в данном процессе становятся компоненты репрезентации индивидуально-интерпретативного аспекта текстопорождения, выражение собственного миропонимания во вторичном тексте. Порождение адекватного смысла интерпретируемого текста в условиях перевода предполагается лишь в условиях адекватного и эффективного декодирования исходного определенно-смыслового текста. Подробно рассматриваются возможности и способы транспонирования игрового момента при вторичном текстопорождении в условиях различающихся лингвокультур.

Ключевые слова и фразы: интерпретативная деятельность, когнитивно-валерная система, декодирование, текстовая игра, языковая игра.

TRANSLAINDIVIDUAL AND INTERPRETATIVE ACTIVITY IN THE PROCESS OF THE LANGUAGE GAME SECONDARY SUBJETIVIZATION

Bredikhin S.N., Avetisov R.M.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina st. 1/A (building1), e-mail: bredichinsergey@yandex.ru, avetisiv_rolan@mail.ru

The aim of this study is to analyze the phenomenon of language games and comprehensive text game in the process of sense derivation in the original texts and the most efficient transformations in a transferring of the multidimensional sense in the translating text. As the Central problem can be considered the disclosure of sense derivation mechanisms and its re-creation in the translation process in foreign culture environment. The undisputable constants in this process are the representative components of individual and interpretative aspect of text derivation, verbalization of individual world perception in the secondary text. The derivation of underinterpretating text's adequate sense within translation process could be reached only under the circumstances of adequate and effective decoding of the given subjectified text sense. The possibilities and ways of gamebased aspect transposing within the secondary text derivation under the different linguocultural conditions are clarified.

Keywords: interpretative activity, cognitive-value system, decoding, text game, language game.

Данная статья посвящена изучению процессов индивидуально-интерпретативной деятельности переводчика в процессе трансляции окказиональных дериватов и экспериментальных аномалий в рамках порождения художественного текста. В данном аспекте немаловажную роль играет раскрытие глубинных структур в переводческой деятельности и описания возможностей вторичного порождения однажды определенно-смыслового отрывка рефлексивной реальности, базирующихся на объединении как изначально заданных различий языковых систем, так и априорно подразумеваемых констант, характеризующих индивидуальный образ интерпретатора во вновь порождаемом тексте.

Необходимо отметить определенный дополнительный компонент во вторичной репрезентации феномена языковой игры в переводных текстах – данным компонентом является образ переводчика в целевом тексте, проступающий как эксплицитно, так и

имплицитно. «Чем ярче творческая индивидуальность переводчика, тем явственнее реализуется его образ в переводном тексте» [6, с. 50]. Наиболее ярко данная компонента представлена, безусловно, в текстах, содержащих наибольшее количество авторских окказионалий и аномалий, а это значит, в текстах художественных и поэтических.

В данных конкретных условиях перевода, важнейшим типом деятельности переводчика является интерпретативная деятельность. В рамках интерпретативной переводческой деятельности по передаче лингвоспецифических особенностей нового игрового начала в художественном тексте важнейшим является «рассмотрение символа и языковой игры как модели порождения нового смысла и его вербального оформления, при этом основной характеристикой языковой игры как процесса смыслопорождения является обращение к феноменологической рефлексии над созданным конструктом, что обеспечивает порождение и дальнейшее функционирование в виде декодирования и интерпретации некоторых суперструктур интенционально релевантных нозм в абсолютно новом или переосмысленном виде» [2, с. 226].

Расщепление некоторых текстовых категорий экспликации (языковых категорий, репрезентирующих прагматическую доминанту, концептуально-валерную систему переводчика-интерпретатора) происходит не только по объективным причинам различия языковых систем и способов репрезентации, но и по причине наличия констант «субъективности, интенциональности, ситуативности и фоновых знаний» [2]. «Порождение исходного и переводного текстов осуществляется не просто разными психофизическими индивидуумами, но разными языковыми личностями» [5, с. 162].

Уже зачин художественного текста полностью подчинен возможностям и прагматической установке переводчика, которые могут определяться как «целостный, системный, избирательный, индивидуально окрашенный подход к стилистическим фактам оригинала, взятым в комплексном виде» [7, с. 10]. Некоторые характеристики переводного текста закономерно находятся в зависимости от индивидуальных характеристик реципиента-интерпретанта, что определенно накладывает отпечаток на индивидуальное восприятие картины мира, существующей в рамках конкретной лингвокультуры, в том числе это относится к вторичному отражению, уже созданного текста. Подобная интерпретативная деятельность находит свое отражение на всех уровнях языковой системы и констант речепорождения.

В рамках языковой игры, если воспринимать её как некое мысленное экспериментирование, особый вид рефлексии над миром и над порожденным текстом, невооруженным глазом видны все особенности данного феномена в его витгенштейновском понимании, именно репрезентация данных особенностей (искусственного намеренного

порождения практически неограниченного многообразия случаев при вербализации и акцентуации определенного оттенка смысла, вычлениении и усилении релевантных нюансов), большей частью и должна быть передана в тексте перевода, ведь соблюдение языковой формы этого феномена чаще всего невозможно. Неограниченность свободных аллюзивных вариаций так же естественна здесь, как и при изобретении игр как таковых.

В случае художественных произведений построенных на комплексной текстовой игре, она особенно ярко прослеживается в процессе перевода индивидуально-авторских аномальных конструкций, которые собственно и являются основным текстообразующим компонентом такого рода текстов, мы в нашем исследовании различаем «две пары разновидностей комплексной текстовой игры: внутритекстовую – внешнетекстовую, и вертикальную (реализация нескольких значений языкового знака, употребляемого один раз) – горизонтальную (многозначный языковой знак появляется, по меньшей мере, два раза, сначала с одним своим значением, затем с другим)» [1]. В данном случае логично говорить не неких заменах лексического состава высказывания, вербализующего языковую игру, основанных как правило на различии языковых систем, а о индивидуально намеренно вводимых субстанционально-операциональных заменах в целевом тексте, изменении эмотивной и образной составляющей языковой игры, предпринятых переводчиком-интерпретатором. В процессе перевода текстов такого рода и автор первичного текста и транслятор могут быть отнесены к нестандартному типу языковой личности, а значит для прояснения параметров подобных замен, необходимо рассмотрение как концептуально-валерной так и вербально-семантической компоненты языковой личности интерпретатора в процессе воссоздания авторской языковой игры.

В переводческой экспериментальной деятельности по интерпретации необходимо ориентироваться, прежде всего, на индивидуальные особенности личности автора (находящие свое отражение в характеристиках творимости и окказиональности смысла художественного произведения), это любая релевантная для лингво-переводческого анализа информация о биографии, научных и др. взглядах автора первичного текста. Возможность неограниченного количества порожденного вторичного текста, особенно в точках бифуркации смысла, которые могут быть представлены в том числе и языковой игрой, наглядно демонстрируют вариативность транслатологической множественности – возможность, а иногда и необходимость существования различных переводов одного текста, здесь, безусловно, на первый план выходит константа субъективности, или же наличие нескольких редакций перевода одного переводчика, в данном процессе определяющим является уже константа ситуативности. Подобный метод перевода как интерпретации мы, вслед за Н.М. Демуровой, можем определить как «транспонирование особой образности» художественного

произведения, «своеобразия эксцентрических нонсенов, игры слов, передачу двойного прочтения оригинала» [4, с. 320].

Чрезвычайно разнообразны приемы трансляции языковой игры в художественном тексте: использование средств паронимии, нарушение норм лексико-семантической и лексико-стилистической сочетаемости, этимологическое переразложение и переосмысление компонентов, амфиболичность смыслового восприятия основ. Таким образом, вторичная языковая игра возникает с использованием тех же типов трансформации суперструктуры смысла, что и при первичном создании языковой игры в тексте оригинала, однако применение трансформационных моделей не обязательно совпадает в различных языках. Наиболее тщательно должны транспонироваться такие феномены как интертекстуальная авторская игра, окказиональные аллюзии и лингвокультурные аллюзии, знаки художественного текста со сложной семантической и ноэтической структурой (говорящий и значимый ономастикон). Для привлечения внимания реципиента подобные образования, как в тексте оригинала, так и в тексте перевода чаще всего выделяются параграфическими средствами. «При построении подобной структуры сознание реципиента может испытывать одно из наибольших затруднений, но тем большей ценностью для адекватного перевода и переработки смыслов обладает эта структура надлинейного выдвигания» [2, с. 18].

Системный текстообразующий компонент по созданию художественного хронотопа, по крайней мере, некоторых из его пластов является не единственной сферой приложения экспериментальной интерпретативной деятельности переводчика, употребления им экспериментальных аномалий, интерпретативная творческая деятельность ярко проявляется в выборе адекватной лексики для вербализации художественного и прагматического замысла, что находит свое отражение в экспрессивно и стилистически маркированных позициях текста. Анализ различных переводов художественных произведений показывает, что достаточно часто происходит трансформация снижения или повышения экспрессии (термины Т.А. Казаковой), вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова [8, с. 138], подобным образом осуществляется рост числа единиц с более высоким коннотативным зарядом, которые более интенсивно выражают оценку событий, описываемых в тексте.

Изменение образа первичного продуцента текста посредством усиления эмотивно-экспрессивных оттенков является не единственным влиянием на глубинное содержание текста, но в некоторых случаях влечет ещё и экспликацию информации лишь имплицитно заложенной в тексте оригинала, происходит интерпретативное усиление декодированного переводчиком образного сигнала и соответственно более яркая его вербализация во вторичном тексте.

Интерпретативный подход к некоторым явно прослеживаемым стилистическим характеристикам оригинального художественного текста прослеживается в способах перевода частотных слов, так называемых «слов-фаворитов» «т. е. слов, повторяемость которых не обусловлена общеязыковыми факторами, а несет непосредственный отпечаток авторской индивидуальности» [6, с. 49], которые присутствуют в первичном тексте. Рассмотрим, например, некоторые особенности германских языков, отличающихся наличием множества нейтральных слов широкой семантики, в данном случае во избежание ненамеренной тавтологии переводчик вынужден прибегать к синонимизации повторяющихся слов и построению новых смысловых обертонов, соответствующих контекстуальному употреблению этих синонимов, что неизбежно приводит к существенным перераспределениям в лексическом составе вторичного переводного текста.

«И здесь мы говорим не об элементарных трудностях перевода и не о нехватки переводческих трансформаций, а о принципиальных проблемах герменевтического толка. Что есть перевод личностное авторское или вторичное смыслопорождение. Очевидным является вопрос о параллельном, а иногда и взаимопроникающем влиянии перевода и смыслопорождения, это связано, вероятно, с тем, что текст перевода, являясь результатом процесса перевода, одновременно несет некий – хотя и опосредованный «чужеродной» по отношению к собственно авторскому смыслопорождению формой вторичного текста – отпечаток процессов смыслопостроения и поэтому может служить возможностей смыслопостроения как одного так и другого языка» [2, с. 15].

При трансляции индивидуальных авторских окказиональных аномалий, вне зависимости от уровня, на котором они производятся, совокупность которых и создает константу творимости оригинального текста, проявляется планом экстраполяции интерпретативной индивидуальности переводчика. Как ни странно образ переводчика-интерпретатора реализуется в раскрытии, прояснении и актуализации и интенсификации позиции автора оригинального текста, в конкретном объеме и направленности восприятия её переводчиком. Внутри этого процесса происходит и перераспределение и частичное изменение типов информации художественного текста. В тривиальных, неэкспериментальных ситуациях в условиях художественного перевода наиболее устойчива к смещениям содержательно-фактуальная информация» [3], меньшей устойчивостью при прочих подобных условиях обладает имплицитная и концептуально значимая информация. Содержательно-фактуальная информация частью передается другими средствами принимающего языка, что существенным образом перераспределяет информационную, эмотивную и языковую структуру оригинального текста. А значит, в результате производится вторичный текст, базирующийся

на языковой игре и лингвистическом эксперименте с учетом базовых констант смыслопорождения и учетом четырех планов хронотопа.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Переводческие трансформации при интерпретации окказиональных философских композитов структурирующих многомерный смысл // Современные исследования социальных проблем – 2013. - № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9201367/pdf_479.
2. Бредихин, С.Н. Ноэтическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации: монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. Демурова, Н. М. О переводе сказок Кэрролла // Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. – М.: Наука, 1990. – С. 315-337.
5. Кухаренко, В. А. О возможности сохранения индивидуального стиля автора оригинала в переводе // Перевод и коммуникация. – М., 1997. – С. 160-169.
6. Кухаренко, В. А. Экспликация содержания текста в процессе перевода // Текст и перевод. – М., 1988. – С. 40-51.
7. Новикова, М. А. Проблемы индивидуального стиля в теории перевода: Автореф. дис. ...докт. филологических наук. – Л., 1980. – 68 с.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
9. Todorov, T. Reading as construction // Suleiman S. R., Crosman I. (eds). The reader in the text. – Princeton, 1980. – pp. 67-82.

Рецензенты:

Серебрякова С.В., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Лепилкина О.И., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой истории и теории журналистики ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.